

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ страницы альманаха «Полярная звезда», запрещенного сразу же после восстания на Петровской площади, рядом с произведениями К. Ф. Рыльева, А. А. Бестужева, В. К. Кюхельбекера, А. О. Корниловича, Ф. Н. Глинки мы встречаем творения В. А. Жуковского.

Жуковский в лагере рыцарей «Полярной звезды»... Имя сановника, воспитателя наследника престола рядом с именами «государственных преступников» кажется странным. Быть может, эта близость на страницах альманаха была случайной?

Раскроем первую книжку «Полярной звезды» — 1823 года. Она начинается статьей А. А. Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России».

«С Жуковского и Батюшкова начинается новая школа нашей поэзии. Оба они постигли тайну величественного, гармонического языка русского...» — пишет Бестужев. Кто не увлекался мечтательною поэзией Жуковского, чарующего столь сладостными звуками?.. Никто лучше его не мог облечь в одежду светлого, чистого языка разноплеменных писателей; он передал все черты их со всею свежестью красок портрета... Он изобилен, разнообразен, неподражаем в описаниях».

Перелистывая альманах, мы увидим, что следом за переведенным Жуковским отрывком из «Энеиды», озаглавленным «Смерть Приама», идет дума Рыльева «Борис Годунов». К повести «Роман и Ольга» Бестужев взяты эпиграфом стихотворные строки Жуковского...

А вот последняя книжка альманаха на 1825 год. Поэтическая лира, увитая венком, окружена клубящимися тучами, над которыми сияет спокойным светом Полярная звезда. Она олицетворяет собой вольнолюбивую поэзию, сиявшую среди туч александровской реакции. «Стансы» Рыльева и «Отрывки из письма в Швейцарию» Жуковского разделяются в альманахе только коротким стихотворением Баратынского. В оглавлении же альманаха имя Жуковского встречается в «окружении» имен Федора Глинки и Корниловича.

Нет, не случайным было участие Жуковского в «Полярной звезде». Имя крупнейшего поэта России эпохи 1810-х годов, создателя «Певца во стане русских воинов» — патристического гимна во славу победителей Отечественной войны 1812 года, значило для декабристов очень много. Они полностью разделяли тревогу ближайших друзей Жуковского — А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, А. И. Тургенева, боявшихся влияния придворной атмосферы на поэта, что выразилось в строках письма Вяземского к нему: «Страхуясь за твою царедворскую мечтательность. В наши дни союз с царями разорван: они сами потоптали его... мне больно видеть воображение твое, зараженное каким-то дворцовым романтизмом... в атмосфере, тебя окружающей, не можешь ты ясно видеть предметы, и многие чувства в тебе усыплены...».

Декабристы хотели видеть создателя «Певца во стане русских воинов» в своем лагере, поэтом-гражданином и трибуном, а не дворцовым мечтателем, пишущим для немногих.

Взрыв картечи четырнадцатого декабря на Петровской площади разлетелся все. К заговору оказались причастны многие друзья и близкие знакомые поэта.

В год 1826 — год расправы, казни и ссылок — Жуковским написано очень мало. Одно стихотворение, перевод из немецкого поэта И.-Л. Уланда, увидело свет только в двадцатом столетии, полвека спустя после кончины Василия Андреевича.

Был у меня товарищ.
Уж прямо брат родной.
Ударил тревогу,
С ним дружным шагом,
Пошли мы в жаркий бой.

Вдруг свистнула картежа...
Кого из нас двоих?
Меня промчалось мимо;
А он... лежит, родимый,
В крови у ног моих.

Пожать мне хочет руку...
Нельзя, кладу заряд.
В той жизни, друг, сочтемся;
И там, когда сойдемся,
Ты будь мне верный брат.

Кто знает, какими событиями навеяны эти строки... Люди, мнением которых Жуковский очень дорожил, были объявлены вне закона, сосланы в Сибирь, заключены в казематы крепостей. И отныне поэт употребляет все силы для облегчения их участи. Не скрывая своего сочувствия к осужденным, вновь и вновь возвращается он к их судьбе.

«Государь, даруйте всепрощение несчастным, осужденным и достойно наказанным по заговору 1825 года» — сколько писем Жуковского, адресованных Николаю I, содержало просьбы, подобные этой. Нельзя не поражаться мужеству поэта — ведь он прекрасно знал характер «всемилошнейшего государя» — жестокий, мстительный и коварный.

В общественном мнении иностранных дипломатов, аккредитованных при русском дворе, Жуковский прослыл главой либеральной партии. Такой партии в России не существовало — иностранцы даже не могли представить себе, что за этим мужественным и независимым человеком не стоит никакая реальная сила. Однако это так — в своей борьбе за справедливость Жуковский был одинок. И не виной, а величайшей бедой для поэта было, что только некоторые из его просьб имели успех.

Жена приговоренного к каторжным работам Ивана Дмитриевича Якушкина Анастасия Васильевна всем сердцем стремилась в Сибирь, желая разделить с мужем тяготы ссылки. Василий Андреевич, хорошо знавший ее мать, хлопотал за жену декабриста. Его рукой написано прошение Якушкиной о дозволении отправиться в Сибирь. Настойчивость и упорство победили — «высочайшее» согласие было дано. Однако Якушкина не смогла сразу воспользоваться им: на руках у нее было двое маленьких детей. Когда же наконец Анастасия Васильевна собралась в дальнейшее путешествие, ей было отказано. Якушкиной так и не суждено было увидеть горячо любимого мужа.

Герой Отечественной войны 1812 года поэт Федор Николаевич Глинка был одним из основателей Союза

«ТЫ БУДЬ МНЕ ВЕРНЫЙ БРАТ»

Жуковский и декабристы

Благоденствия. После заключения в Петропавловской крепости его сослали в Олонецкую губернию. Ссылка удручающе подействовала на поэта. «Несчастия схватили и бросили меня в страну, отброшенную от сообщений с живым гражданским миром...» — писал он. — В сих-то местах... провождаю я, не смею сказать жизнь, но бытие томительное, теряя силы и лета... Невольно родится мысль: «...Неужели придется умереть на чужбине, в сей стране, где и самая весна, пролетая быстро, как испуганная птица, не успевает нагреть могилу и вырастить на ней цветок». При этой мысли какой-то внутренний мороз отдирает кожу от костей».

По ходатайству Жуковского Глинка был вызволен из ссылки и переведен в Тверь.

В числе близких друзей Василия Андреевича были братья Тургеневы. Один из них — Николай Иванович, убежденный республиканец, принимал деятельное участие в декабристском движении и был приговорен к смертной казни. Восстание на Петровской площади застало его за границей. Объявленный вне закона на родине, он осужден был жить в изгнании. На младшего брата Тургенева — Сергея — осуждение подействовало роковым образом: он сошел с ума и в скором времени умер.

Жуковский не упускал случая просить за Николая Тургенева у императора. На протяжении нескольких лет не оставляет он настойчивых ходатайств, пока наконец в 1830 г. не получает окончательного отказа. Более того, царь обвиняет в неблагонадежности самого Жуковского.

Несмотря на неудачи, Жуковский не оставляет своих замыслов. В его уме рождается план, который несколько лет спустя удастся превратить в жизнь. Готовясь в 1837 г. сопровождать своего воспитанника в путеше-

не принял декабриста. Розен возвращается домой и встречается с Жуковским — воспитатель наследника престола приезжает к «государственному преступнику». «К величайшей радости увидел у себя достойнейшего Василия Андреевича Жуковского; он утешал жену мою, ласкал полусонных детей, с любовью обнимал их...» — вспоминал Розен впоследствии. — Душе отрадно было свидание с таким человеком, с таким патриотом, который, несмотря на заслуженную славу, на высокое и важное место, им занимаемое, сохранял в высшей степени... простоту, прямоту и без всякого тщеславия делал добро... Словами не умею выразить вполне благодарности за его деятельное участие; оно наверно уже доставило ему одно из лучших наслаждений».

Жуковский обращается с письмом к Николаю I, в котором вновь возвращается к осужденным декабристам: «...Казнь...должна была...вергнуть тысячи семейств в глубокий траур; и этот траур лежит на всей России... Скорбь, произведенная казнью, скорбь отцов и матерей, братьев и сестер, родных и друзей жива и не умрет, напротив, будет получать совсем особенный характер живости по мере продолжительности наказания и от ужасного чувства безнадежности и черной мысли о неумолимости. Это чувство пережило вину...».

Письмо Жуковского вместе с письмом его воспитанника, бесспорно, написанным под его влиянием, сыграло свою роль в некотором облегчении положения декабристов: уменьшение срока ссылки, перевод на поселение, разрешение определиться рядовыми в действующую армию на Кавказ с правом выслуги — первый офицерский чин возвращал осужденным дворянство — или поступить на гражданскую службу в Сибирь.

Из Сибири же к Жуковскому обращается В. К. Кюхельбекер:

«Из всех, кто знал и любил меня, — юношу, почти отрока, в живых очень, очень немногие, а вы в числе этих немногих из писателей для сердца моего занимаете первое место... Итак, горжусь воспоминанием той дружбы, которой удостоивали вы меня с 1817 года. Вы ободряли меня при первых моих поэтических опытах; в начале моего поприща вы были мне примером и образцом... Потом обстоятельства, мнения, люди отделили меня от вас; но и в 25-м году я нашел в вас то же сердце, столь благородное, столь мне знакомое».

Он был все таким же — благородным, искренним, честным, чем-то напоминающим рыцаря печального обрза Дон Кихота, с которым познакомил когда-то русского читателя Жуковский, переведя роман Сервантеса. Кюхельбекера не сломили ни первоначальный смертный приговор, ни заменившее его одиночное заключение в казематах Петропавловской, Шлиссельбургской, Динабургской, Ревельской и Свеаборгской крепостей, продолжавшееся более десяти лет, ни последовавшая затем ссылка в Сибирь на поселение. И единственная просьба поэта, давно уже выброшенного из памяти читателей, тяжело больного, почти совсем потерявшего зрение, заключалась в том, чтобы разрешить ему печатать свои произведения, пусть даже без указания имени автора.

Жуковский не замедлил обратиться к Бенкендорфу: «Писать никому не запрещено... Писать для изгнанника, если только он для того имеет талант, есть великое нравственное лекарство; оно поддержит душу от совершенного упадка. И почему ему не позволить печатать того, что он напишет, дабы иметь деньги, столь нужные ему, особенно если у него на руках семья... Мне кажется, что было бы несправедливо отказать в этом Кюхельбекеру».

Тем не менее Кюхельбекеру отказали. Николай I написал на докладной записке, переданной ему Бенкендорфом: «Дослужил ли он до офицерского чина?» И когда узнал, что не «дослужил» (и дослужиться, естественно, не мог, так как в военной службе никогда не был), «высочайшего соизволения» не дал.

Жуковский не прекращал вести неравную борьбу, отстаивая принципы благородства и справедливости, до которых никому при дворе не было никакого дела. Если бы он мог откровенно высказать все, что было у него на душе, в ответ на брошенные ему императором обвинения! Нам известны эти слова, так и оставшиеся невысказанными, — их сохранили записки Жуковского:

«Если б я имел возможность говорить — вот что бы я отвечал... Я защищаю тех, кто вами осужден или обвинен перед вами... Разве вы не можете ошибаться? Разве правосудие (особливо у нас) безошибочно? Разве донесения вам людей, которые основывают их на тайных презренных доносах, суть для вас решительные приговоры божии? Разве вы можете осуждать, не выслушав оправдания? И разве могу, не утратив собственного к себе уважения, жертвовать связями целой моей жизни... Не могу покори себя ни Булгариним, ни даже Бенкендорфу: у меня есть другой вожатый — моя совесть...»

Алексей КОРНЕЕВ

И. А. КРЫЛОВ, А. С. ПУШКИН, В. А. ЖУКОВСКИЙ, Н. И. ГНЕДИЧ (этюд художника Г. Чернецова к картине «Парад на Царьском лугу»).

ствии по России, Василий Андреевич составляет маршрут, в который вошли отдаленные уголки Сибири, где томились в ссылке многие декабристы. Встречи с ними происходит в Кургане.

«Ни одного из встреченных мною в Кургане я не знал прежде, но свидание со мною было им отрадой, правда, минутною. И, простясь с ними, я живо почувствовал, что такое изгнание! Мы исчезли для них, как тени. На один миг явился перед ними Россия, и родные, и погибшее прошлое, и осталось от всего безнадежное будущее. А их дети, оставленные в России или родившиеся в изгнании; а их родные, для которых давно совершившееся бедствие не состарилось, а свежо и живо, как в первую минуту», — писал Жуковский.

Некоторые подробности о встрече мы узнаем из воспоминаний А. Е. Розена. Узнав о приезде наследника, больной, на костылях, он приходит к дому, где тот остановился, в надежде увидеть его и просить — не за себя, а за жену и детей. Наследник престола так и